

Цзы Е чувствовала себя неловко под взглядами двух мужчин и, указывая на себя, сказала:

— Чего уставились на меня? Эй, по-моему, этих двух глупцов, которые только создают проблемы, нужно тащить и рубить!

Все:

— ...

Услышав это, Цяо-эр, которая стояла за Цзы Е и до этого не привлекала внимания, заволновалась:

— Нельзя, сестрица, господин Гу — хороший человек, его нельзя убивать!

Цзы Е, глядя на эту ничтожную девчонку, закатила глаза:

— Этого нельзя, того нельзя, так что же делать?

Обиженная Цяо-эр присела и потянула за край одежды великого мастера Кунмина:

— Мастер...

Теперь все взгляды устремились на великого мастера Кунмина.

На протяжении тысячелетий в таких ситуациях не было никаких сомнений. Сотрудничество с врагами, убийство своих — зачем оставлять тебя в живых, чтобы ты продолжал сеять хаос? Ты говоришь, что осознал свои ошибки и хочешь исправиться? Извини, но никто не знает, искренне ли ты раскаиваешься. Проще убить.

Непослушание учителю, похищение преступника? Отлично, убейте обоих, в Мире Людей им не место!

Но эти двое были знакомы с несколькими великими мастерами, и если бы Гу Линчжи действительно разозлился, его сила могла бы нанести не меньший ущерб, чем армия демонов.

Великий мастер Кунмин сложил руки и произнес:

— Амитофо.

Все замолчали, ожидая, что скажет этот уважаемый мастер.

— Я встречался с этими двумя молодыми людьми несколько раз. Я лечил ногу этого юноши в белом, и, возможно, часть вины за его нынешние поступки лежит на мне. Я считаю, что убийство кого-либо не вернет погибших. Позвольте мне забрать этого юношу в храм Фаньча, чтобы помочь ему избавиться от злых мыслей. Когда он полностью очистит свое сердце, я отпущу его.

Слова великого мастера Кунмина звучали разумно и спокойно, и несколько великих мастеров согласились с ним. Цзы Е, хоть и презирала эти благочестивые речи этого лысого, но, под давлением Цяо-эр, которая все хныкала, тоже кивнула.

Поскольку все великие мастера согласились с этим решением, остальные не стали возражать. Они могли быть спокойны, зная, что этот демон находится в руках великого мастера Кунмина.

Гу Линчжи передал безжизненное тело Фу Юньцзэ Кунъюню, стоящему за великим мастером, и глубоко поклонился. Наверное, это был лучший исход.

Шэнь Цю понимал, что в этом решении было много несправедливости, и чувствовал, как его лицо горит от стыда. Он считал, что использование личных связей ради своего ученика было неправильным. Хотя другие не стали наказывать Гу Линчжи за попытку спасения преступника, как учитель он не мог этого проигнорировать.

Для него его ученик был равен Фу Юньцзэ, а значит, и Миру Демонов. Этот упрямый старик, который когда-то изгнал своего ученика, тайно изучавшего темные искусства, относился к Гу Линчжи так же, как к Жун Цяньюю.

— Линчжи, я не смог тебя правильно воспитать, и это моя вина. Я подумаю над своим поведением. Уходи и больше не возвращайся на гору Цанъюнь.

Много лет назад бодрый Шэнь Цю сказал маленькому Гу Линчжи:

— Пойдем со мной, я отведу тебя на гору Цанъюнь.

Много лет спустя постаревший Шэнь Цю сказал взрослому Гу Линчжи:

— Уходи и больше не возвращайся на гору Цанъюнь.

— Да, учитель. — Гу Линчжи поклонился Шэнь Цю и почтительно коснулся лбом земли.

— Отныне мы больше не учитель и ученик. — Шэнь Цю положил руку на руку Гу Линчжи, и знак школы исчез в мягком свете.

Все разошлись. Возможно, некоторые, потерявшие близких, были недовольны таким исходом, но они не могли ничего сделать. В этом мире нет абсолютной справедливости, и иногда сила превосходит справедливость.

Гу Линчжи прислонился к каменным ступеням, сидя так долго, что ему казалось, будто он превратился в статую.

Внезапно он что-то вспомнил и позвал Сяо Хуна. Он оторвал кусок ткани от своей одежды и написал несколько строк окровавленным пальцем:

— Я больше не могу пойти на гору Цанъюнь. Слетай за меня и передай это тете Шэнь.

Он написал Шэнь Инъюню место, где переродился Жун Цяньюю. Гу Линчжи специально ходил в загробный мир, чтобы узнать это, но не успел ей сообщить.

Гу Линчжи встал и приготовился уйти.

Внезапно он понял, что ему некуда идти. Прожив столько лет, он так и не обрел дом.

Мост Найхэ не был домом, не был им и тот короткий период в княжестве, и даже гора Цанъюнь, где он вырос, больше не была его домом.

Когда Сяо Хун вернулся, он увидел, как его отец сидит с опущенной головой, и почувствовал легкую грусть, хотя и не понимал, почему.

Три месяца спустя.

На шумном рынке толпились люди. Пережив, казалось бы, огромную катастрофу, эти простые люди снова с энтузиазмом взялись за свои дела, выживая в этом хаотичном мире.

Маленький мальчик с двумя косичками дернул за рукав молодого мужчины рядом:

— Папа, я хочу это! — его пухлый пальчик указывал на сахарного человечка, привязанного к соломе.

Мужчина достал несколько монет и передал их продавцу, выбрав самого большого человечка для сына.

Гу Линчжи почувствовал, как кто-то дергает его за рукав, и услышал детский голос:

— Папа, я тоже хочу!

Что это за штука? Когда она успела подойти к нему?

— Малыш, откуда ты взялась, где твои родители? — Гу Линчжи посмотрел на ребенка. Большие глаза, как фиолетовый виноград, длинные ресницы, словно две кисточки, и дорогое красное платье — даже пятилетняя девочка могла бы стоять немало на черном рынке.

Девочка, подражая другим, засунула палец в рот:

— Папа, я Сяо Хун!

Гу Линчжи чуть не упал. Оглядевшись, он понял, что его Сяо Хун действительно исчез.

Погоди! Разве Сяо Хун не был мальчиком? Почему он превратился в девочку?

— Сынок, ты превратился в человека, это ладно, но зачем тебе платье? — Гу Линчжи ущипнул щечку ребенка. — И когда ты научился говорить?

Сяо Хун отмахнулась от его руки:

— Папа, я самка! Я училась говорить у вас, просто птичий язык не может воспроизвести человеческую речь!

Гу Линчжи огляделся, убедился, что никто не смотрит, и велел Сяо Хун не превращаться на улице, чтобы не напугать людей.

Ну что ж, быть человеком даже удобно. Теперь не нужно прятаться, как раньше, когда в гостиницах не разрешали держать питомцев, и Сяо Хун приходилось пробираться внутрь как вору, когда служки не видели.

Но Сяо Хун, не обращая внимания на его слова, упрямо указывала на сахарного человечка:

— Папа, я хочу!

Гу Линчжи порылся в карманах. Денег едва хватало на ночлег, и еще нужно было торговаться с хозяином гостиницы.

Он ласково погладил Сяо Хун по голове:

— Доченька, папа беден. Может, обойдемся без сладкого? Я поймаю тебе червяка?

Червяка? Черт возьми! Сяо Хун почувствовала обиду. Всю жизнь она скиталась с этим бедным отцом, ела, что давали, и никогда не капризничала. Но теперь, увидев, как другие дети просят у родителей сладости, она села на землю и зарыдала.

Гу Линчжи почувствовал, как у него дернулся висок. Кто научил эту глупую птицу так себя вести?

— Вставай, быстро! Какой позор! — Люди начали смотреть в их сторону, и Гу Линчжи смущенно торопил её.

Услышав это, Сяо Хун заплакала еще громче, так что все вокруг проникались сочувствием.

Молодой мужчина, который только что купил сахарного человечка, вернулся, купил еще одного и с улыбкой протянул его Сяо Хун.

Сяо Хун перестала плакать, но не решалась взять, глядя на своего бедного отца.

Гу Линчжи сдался и кивнул. Сяо Хун быстро схватила человечка и сунула его в рот, боясь, что отец передумает.

Поблагодарив незнакомца, Гу Линчжи поспешно уволок Сяо Хун, которая чмокала сахарным человечком.

— Сколько раз я тебе говорил, мы здесь не для развлечений! Мы занимаемся важными делами! Если будешь шалить, я засуну тебя обратно в яйцо! — Гу Линчжи, вытирая сахарный сироп с лица и рук Сяо Хун у реки, не мог сдержать раздражения.

<http://bllate.org/book/16633/1523972>